Письма А. С. Даргомыжского к его воспитателю

Перевод с французского, вступительная статья
и примечания Татьяны Берфорд

Тексты писем А. С. Даргомыжского на французском языке, составляющие значительную часть его эпистолярного наследия, вплоть до настоящего времени не были опубликованы, а целый ряд их не переводился на русский язык даже фрагментарно. В данной публикации приводятся все четыре сохранившихся французских письма Даргомыжского к его воспитателю, господину Мажи, с которым композитора связывали очень теплые отношения. Письма относятся к позднему творческому периоду и позволяют по-новому увидеть некоторые значимые события биографии Даргомыжского. Все письма впервые целиком переведены на русский язык. Их тексты снабжены описаниями автографов и комментариями.

Ключевые слова: *А. С. Даргомыжский, поздний период творчества, эпистолярное наследие, французские письма, перевод с французского, воспитатель Мажи.*

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде А. С. Даргомыжского находятся четыре письма композитора на французском языке, датированные апрелем 1864 — августом 1865 года и адресованные некоему господину Мажи (Monsieur Magis)[1]. Именно с ним Даргомыжский делится своими переживаниями, притом переживаниями столь личными, что, не будь упомянутых писем, о некоторых сокровенных подробностях биографии композитора и его реакции на них мы могли бы лишь строить догадки. К «дорогому господину Мажи» Даргомыжский обращается в самые первые — по-видимому, наиболее тяжелые

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-04-00012а.

[1] ОР РНБ. Ф. 241. А. С. Даргомыжский. Оп. 1. Ед. хр. 23.

для него — дни после смерти отца, Сергея Николаевича Даргомыжского, именно Мажи и только ему композитор сообщает об уходе к другому и свадьбе своей ученицы, Любоньки Миллер, которая на протяжении восьми лет была его подругой и музой; с Мажи первым он спешит поделиться известием о публичном исполнении в Брюсселе двух своих симфонических произведений — утром в самый день премьеры; ему же рассказывает и об ухудшении здоровья по возвращении из второй зарубежной поездки.

Меж тем об этом человеке практически ничего не известно, кроме одного — он был воспитателем Даргомыжского и, по всей видимости, его учителем французского языка. Мы не знаем ни его имени, ни его национальности: он мог быть не французом, а, например, швейцарцем (учитывая популярность швейцарских гувернеров в России) или даже бельгийцем. С большой долей вероятности можно утверждать, что он был много старше Даргомыжского. Во всяком случае, последний почитал его почти как отца, о чем красноречиво свидетельствует письмо от 5 апреля 1864 г.: «…пишу вам эти несколько слов единственно чтобы разделить с вами мое великое горе, с вами первым — с тем, кто после отца моего имеет на этой земле более всего прав на мои самые искренние дружбу и уважение» [2].

Здесь необходимо заметить, что отношения композитора с отцом нельзя назвать простыми. С. Н. Даргомыжский был человеком сурового нрава и к своим домашним относился строго. В его непростых отношениях с сыном-композитором определенную роль сыграли, по-видимому, различие интересов и направленностей личности (Сергей Николаевич всю жизнь занимался финансовой и юридической деятельностью, к творчеству он склонности не выказывал). Отношения отца и единственного оставшегося в живых сына особенно осложнились после смерти 7 ноября 1851 г. горячо любимой супруги и матери Марьи Борисовны Даргомыжской. По воспоминаниям В. П. Энгельгардта, композитор «тогда вполне зависел от своего отца, человека очень крутого нрава. Он, видимо, этим тяготился и говорил „если б не было м о в о старика!“ Впрочем, свои сыновние обязанности он исполнял безупречно» [3].

Судя по всему, человеческую теплоту, понимание и поддержку Даргомыжский с юности находил именно у своего воспитателя, с которым, по-видимому, поддерживал отношения на протяжении многих лет и после того, как Мажи завершил службу у Даргомыжских. Появление же назван-

[2] ОР РНБ. Ф. 241. А. С. Даргомыжский. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1 об.

[3] Письмо В. П. Энгельгардта к В. В. Стасову от 7 марта 1906 г. ИРЛИ. Архив Стасовых; цит. по: *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 1: 1813–1845. М., 1966. С. 48.

ных четырех писем к бывшему воспитателю было вызвано переездом последнего из Петербурга в Москву, из-за чего бывший ученик не мог общаться с ним лично. То, что Мажи в момент написания писем находился в старой столице, явствует из их текстов. Во втором письме, относящемся к маю — июню 1864 года, Даргомыжский пишет, что ему хотелось бы «заглянуть в Москву», дабы обнять своего воспитателя «перед тем, как броситься в европейский водоворот», в четвертом письме, от 3 августа 1865 года, он тоже упоминает о желании встретиться с Мажи зимой 1865/1866 гг., если его «небольшое сочинение будет принято к постановке на московской сцене».

Значимость для Даргомыжского его бывшего воспитателя, по всей видимости, была очень велика: все четыре адресованных ему письма маркируют очень важные — зачастую поворотные — моменты позднего периода жизни и творчества композитора. Остановимся вкратце на каждом из писем.

Событием, давшим толчок к появлению первого из них — от 5 апреля 1864 г., стала смерть С. Н. Даргомыжского. Судя по всему, письмо написано сразу после похорон. Обращает на себя внимание то, что о смерти отца композитор, по собственному признанию, информирует Мажи прежде других своих корреспондентов. При этом его слова несут в себе нечто большее, чем формальное оповещение — в них можно расслышать почти детское смятение, тот страх смерти, о котором немолодой уже композитор мог поведать лишь тому, кто знал его давно и понимал с полуслова. Таким человеком, по всей видимости, и был его старый воспитатель. Целиком этот текст никогда ранее не публиковался — ни в оригинальном виде, ни в переводе. Небольшой его фрагмент воспроизводит М. С. Пекелис[4].

Второе письмо — единственный источник, из которого мы узнаём о личной драме Даргомыжского: завершении его отношений с Л. Ф. Миллер, которая многие годы фактически была его гражданской женой. В конце весны или самом начале лета 1864 г. Любовь Федоровна обвенчалась с состоятельным петербургским музыкантом-любителем В. П. Энгельгардтом, входившим в достаточно близкое окружение композитора. Уникальность письма заключается еще и в том, что оно обрисовывает сложную ситуацию так, как видел ее сам Даргомыжский. По словам композитора, именно его стараниями Любовь Федоровна «заняла достойное место не только в свете, но также и в семье» Даргомыжских, «где ее любили совсем как родную».

---

[4] *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 1: 1813–1845. С. 98–99.

Из обоих писем явствует, что вторая поездка Даргомыжского в Европу (1864–1865), которая в значительной степени поспособствовала признанию его творчества не только в Европе, но и на родине, и которая в контексте всей его творческой биографии предстает стратегически выверенным ходом, на деле была вызвана констелляцией, стечением обстоятельств: смерть отца дала немолодому уже композитору большую или меньшую финансовую независимость, последовавший почти сразу же за ней разрыв с Л. Ф. Миллер потребовал длительной отлучки композитора из Петербурга.

Дата второго письма автором не указана. На первой странице неизвестной рукой сделана пометка карандашом «Апр[.] Май 64». Пекелис датирует это письмо началом мая 1864 года [5], основываясь, по-видимому, на упоминании в тексте четырех недель, прошедших со смерти отца (2 апреля 1864 года). Однако из письма явствует только, что по прошествии четырех недель Даргомыжский получил известие о том, что Л. Ф. Миллер собирается замуж за В. П. Энгельгардта. Какое-то время ушло на прояснение отношений между ней и Даргомыжским, а также на подготовку к свадьбе. Таким образом, письмо, возможно, было написано лишь в конце мая или даже в начале июня 1864 г. Целиком оно также никогда ранее не публиковалось, хотя перевод отрывка из него приводится у Пекелиса [6].

Третье письмо отправлено из Брюсселя; в нем кратко изложены события, относящиеся к пребыванию Даргомыжского в Лейпциге и Брюсселе и известные по более подробным письмам к сестре композитора Софье Сергеевне Степановой (1815–1882) [7]. Композитор находился за границей с ноября 1864-го по апрель 1865 года, посетив Берлин, Лейпциг, Брюссель, Париж и Лондон. Особенно успешным в профессиональном отношении оказалось его пребывание в Брюсселе, где он общался с дирижером Ш.-Л. Хансенсом, контрабасистом, автором методы игры на контрабасе Ф. Бернье, валторнистом Ж.-Д. Арто (1803–1887), отцом певицы Д. Арто, а также с кларнетистом А.-Й. Бласом (1814–1892) и скрипачом Ю. Леонаром (1819–1890) [8]. По инициативе Хансенса в Брюсселе было организовано исполнение двух симфонических произведений Даргомыжского — увертюры к опере «Русалка» и симфонической фантазии «Малороссийский казачок» (1864), сочиненной незадолго до поездки за границу.

---

[5] *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 2: 1845–1857. М., 1973. С. 372.

[6] *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 2: 1845–1857. С. 372–373.

[7] См. письма от 1, 4, 14 декабря, 20 и 27 декабря 1864 г. (А. С. Даргомыжский (1913–1969): Автобиография. Письма. Воспоминания современников. Пб., 1922. С. 80–90).

[8] С двумя последними композитор был знаком еще по Петербургу.

В брюссельском письме Даргомыжского к Мажи отсутствует «занимательность» — разного рода истории, бытовые подробности и шутки, которыми полны письма композитора к сестре, написанные в то же время. Здесь стоит заметить, что послания к Софье Сергеевне были «публичными» — они читались друзьям, передавались для ознакомления коллегам-музыкантам (в частности, Ц. А. Кюи), служили основой для новостных заметок в российской прессе. Композитор, без сомнения, знал об этом, а потому тщательно отбирал и сами факты, и манеру их преподнесения. Но обращаясь из Брюсселя к своему старому воспитателю, он знал, что его слова не будут читать посторонние, и выражался просто, кратко и по существу.

На наш взгляд, эта краткость и точность выражения объясняются вовсе не использованием чужого языка — налицо попытка создать максимально объективную хронику самых важных впечатлений и событий своей жизни с момента отъезда из России, некий автоотчет. Парадоксально, но кажется, что в этом французском тексте больше настоящего Даргомыжского, чем в его русских письмах! Вот, к примеру, как выглядит пассаж о пребывании в Лейпциге:

> На какое-то время я остановился в Лейпциге — признанном музыкальном центре. Там немного знали мое имя, и я без труда сумел бы устроить в нем исполнение моих сочинений, если б у меня достало терпения остаться на два или три месяца в этом со всех сторон крайне скучном городе. Музыкальные профессора и рутинёры работают там как циклопы — но без малейшего намека на гениальность!

А вот как описывается репетиция увертюры к «Русалке» и симфонической фантазии «Малороссийский казачок» с симфоническим оркестром Королевской ассоциации музыкантов Брюсселя:

> Репетиция прошла самым блистательным для меня образом. — Оба сочинения были играны несколько раз каждое и всегда отмечаемы самыми живыми аплодисментами оркестрантов. Но что еще много более мне лестно, так это то, что «Казачок», каковой был игран на репетиции единственно для того, чтобы его мог услышать я, кажется, заинтересовал тех, кому он был представлен, равно как и господ оркестрантов, так что ассоциация сочла за лучшее изменить программу [ближайшего концерта] и исполнить в концерте оба сочинения — увертюру и «Казачка». <...> Концерт состоится сегодня вечером, в субботу 7 января. Признаюсь вам, что после того как я удостоился одобрений наи-

> более выдающихся музыкантов страны [на репетиции], прием, который окажет мне публика, заботит меня весьма мало.

Последний пассаж — вовсе не свидетельство авторского кокетства. В этом заявлении нам видится осознанная позиция художника, понимающего цену одобрения в профессиональных кругах и ищущего именно его, а не успеха у широкой публики.

Четвертое и последнее письмо Мажи, от 3 августа 1865 года, также никогда ранее не публиковавшееся, относится ко времени возвращения Даргомыжского в Россию. Это письмо тоже весьма примечательно — как в ряду остальных писем к Мажи, так и в контексте всего эпистолярного наследия композитора: оно представляет нам уже другого человека — человека уставшего и состарившегося, несмотря на успех европейской поездки. В нем Даргомыжский коротко касается расстройства своих финансовых дел:

> ...я нашел свои дела в плачевном состоянии. Пожары с одной стороны и государственные реформы — с другой имели роковое влияние на те [акционерные] общества, пайщиком коих я являюсь.

Кроме того, он впервые сообщает своему бывшему воспитателю об ухудшении здоровья — возобновившемся ревматизме и проблемах со зрением:

> «Я снова начал ощущать здесь ревматические боли, о которых было позабыл, пока находился за границею... <...> В довершение напастей мои глаза начали мне отказывать, и, дабы сохранить их, я должен был прибегнуть к темным очкам.

Данная публикация является первой публикацией французских оригиналов писем Даргомыжского к Мажи и их переводов на русский язык.

Текст писем воспроизводится с минимальными редакторскими вмешательствами. Без оговорок исправлены лишь очевидные малозначительные описки — например, отсутствующие надстрочные знаки (accents); однако это делается лишь тогда, когда в тех же самых словах в других местах писем они автором воспроизводятся. Написание слов, орфография которых расходится с современной, либо ошибочна, приведено в подстрочных примечаниях к французскому тексту. Сохранены авторские тире между предложениями, отмечающие, в соответствии с эпистолярной практикой XIX в., красные строки, что делалось для экономии места.

Примечательно, что все четыре дошедших до нас письма к Мажи написаны на качественной бумаге. На первый взгляд, это может объяснять-

ся улучшением материального положения композитора в 1860-е. Однако письма Даргомыжского к другим лицам, относящиеся к тому же времени, далеко не всегда демонстрируют какое-то особое внимание к этой стороне личной переписки. Возможно, качественная бумага, как и тщательность почерка, и общая аккуратность, являются знаком особого уважения к бывшему воспитателю.

Судя по письмам, Мажи был весьма неплохим учителем французского: его ученик владел этим языком практически свободно. Некоторые орфографические и пунктуационные ошибки, имеющиеся в письмах к Мажи, обусловлены мобильностью французского правописания в XIX в.; иногда они могут объясняться также эмоциональным состоянием пишущего.

Стиль перевода приближен к стилистике русской части эпистолярия Даргомыжского.

Каждое письмо снабжено описанием автографа, а русский перевод — примечаниями, отсылки к которым помечены в тексте астерисками.

Письмо 1 *(ил. 1, 1а)*

ДАТА: 5 Avril 1864 (5 апреля 1864 г.).

ГОРОД: [СПб.].

ТИП ИСТОЧНИКА: автограф.

ЯЗЫК: французский.

СИГНАТУРА: ОР РНБ. Ф. 241. А. С. Даргомыжский. Оп. 1. Ед. хр. 23. Лл. 1–1 об., 2 (чистый) — 2 об. (чистый).
Примечание: у л. 2 оторван правый верхний угол.

ОПИСАНИЕ И ПОМЕТЫ: бумага верже (формат ок. 13,2×20,3 см), чернила. В левом верхнем углу л. 1 неизвестной рукой сине-сиреневым карандашом указан номер письма (1). Внизу л. 1 по центру простым карандашом указан номер листа (1). Внизу л. 1 об. карандашом другой рукой приведен год написания письма (1864), а в правом нижнем углу другими чернилами проставлен старый инвентарный номер: Рук. 169/1/929.

[л. 1]

Mon cher Monsieur Magis [!]

Un malheur bien grand et peu attendu vient changer le cours de ma vie si paisible jusqu'ici. Mon vieux père et ami est décédé dans la nuit du 2 Avril, à la suite de deux coups d'apoplexie. Personne mieux que vous, ne connaissait

les liens sincères et solides qui nous unissaient, et personne mieux que vous ne saurait comprendre combien mon affliction est grande et profonde. — Une douce idée, cependant, vient passablement soulager ma peine, c'est l'idée d'avoir été un bon fils! [л. 1 об.] J'ai la consolation de pouvoir le dire à la face du monde entier.

Je ne sais encore rien ni sur le sort qui m'attend ni sur les résolutions qu'il me reste à prendre; je vous ecris[9] seulement ce peu de mots pour vous faire part de mon grand malheur, à vous le premier, comme à celui qui, après mon père, a le plus de titres sur cette terre à mon amitié et mon estime les plus sincères. Je vous embrasse donc de cœur et suis pour la vie

Votre tout devoué[10] ami

Alexandre

5 Avril 1864.

[л. 1]

Мой дорогой господин Мажи [!]

Несчастье весьма большое и совершенно неожиданное изменило течение моей жизни, столь безмятежной доныне. Мой старый отец* и друг скончался* в ночь на 2 апреля вследствие двух апоплексических ударов. Никто лучше вас не знал об узах искренних и прочных, что связывали нас, и никто, кроме вас, не мог бы понять, сколь глубока и велика моя скорбь. — Одна сладостная мысль всё же немало облегчает боль мою, а именно — что у него был хороший сын! [л. 1-об.] Утешаю себя возможностью сказать это перед лицом целого мира.

Ничего не знаю еще ни об участи, меня ожидающей, ни о решениях, каковые мне предстоит принять; пишу вам эти несколько слов, единственно чтобы разделить с вами мое великое горе, с вами первым — с тем, кто после отца моего имеет на этой земле более всего прав на мои самые искренние дружбу и уважение. С тем обнимаю вас сердечно и остаюсь на всю жизнь

Ваш всецело преданный друг

Александр

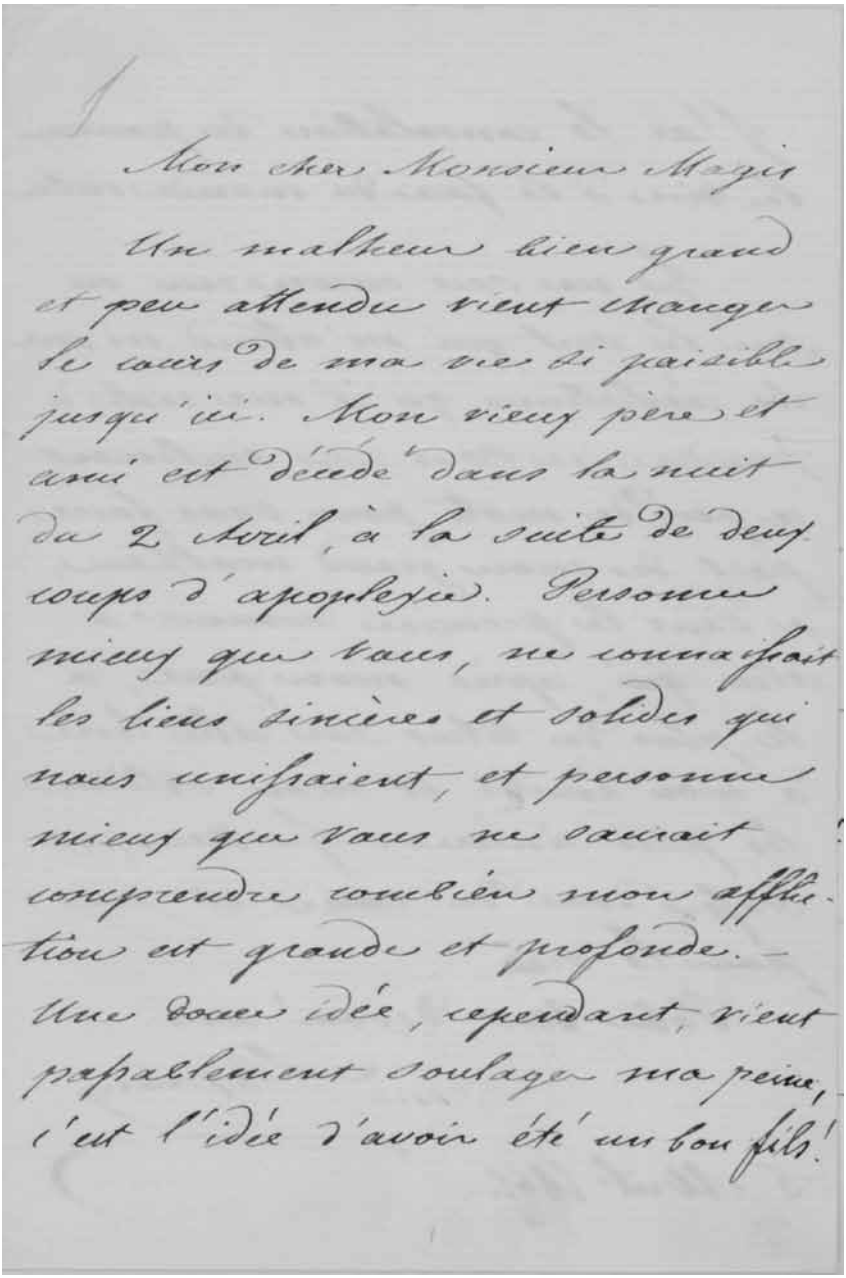
5 апреля 1864 г.

Примечания

Мой старый отец — Сергей Николаевич Даргомыжский (9 сентября 1789 г., село Воскресенское, ныне Архангельское, Чернско-

[9] écris.

[10] dévoué.

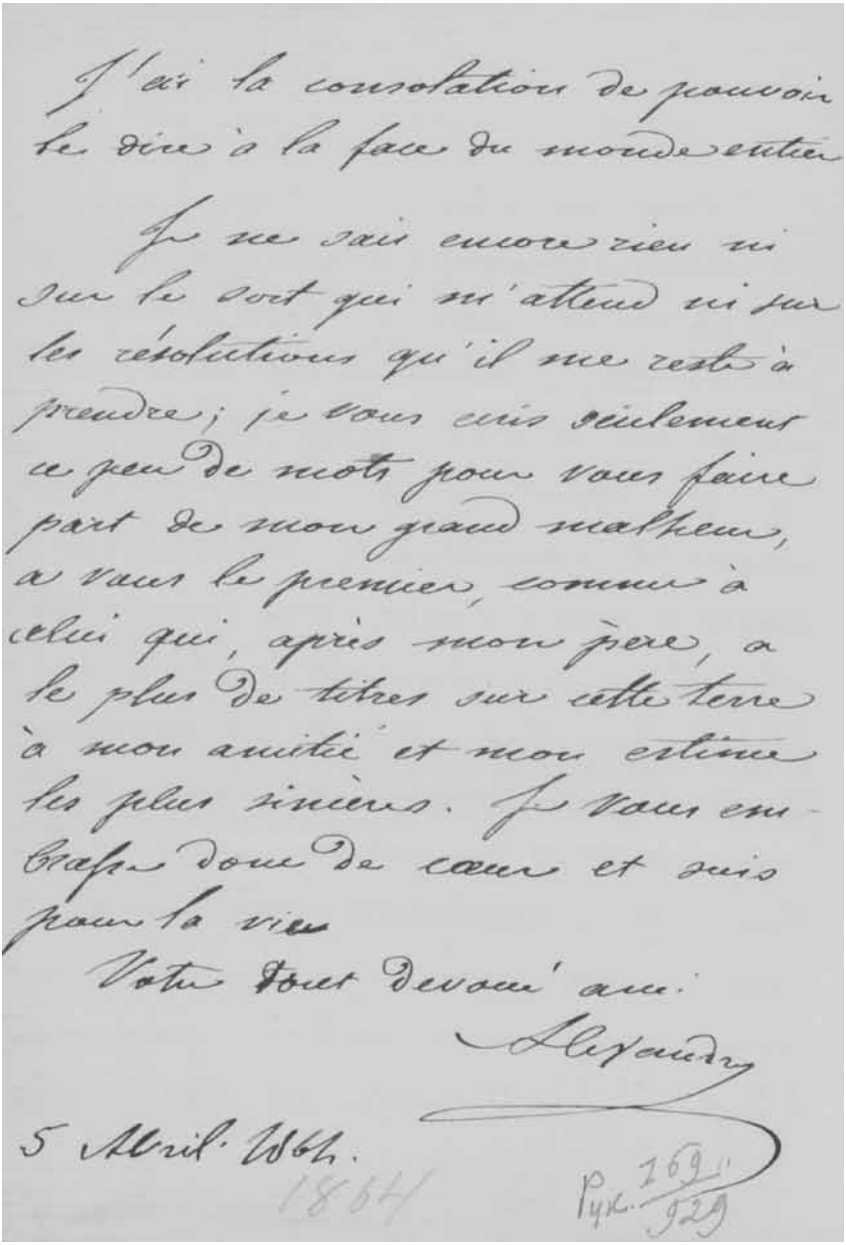


1

Mon cher Monsieur Mazi

Un malheur bien grand et peu attendu vient changer le cours de ma vie si paisible jusqu'ici. Mon vieux père et ami est décédé dans la nuit du 2 Avril, à la suite de deux coups d'apoplexie. Personne mieux que vous, ne connaissait les liens sincères et solides qui nous unissaient, et personne mieux que vous ne saurait comprendre combien mon affliction est grande et profonde. — Une douce idée, cependant, vient partiellement soulage ma peine, c'est l'idée d'avoir été un bon fils!

Ил. 1. Письмо Даргомыжского к его воспитателю Мажи от 5 апреля 1864 г. Автограф. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 241. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1.



J'ai la consolation de pouvoir le dire à la face du monde entier

Je ne sais encore rien ni sur le sort qui m'attend ni sur les résolutions qu'il me reste à prendre; je vous crois seulement ce jeu de mots pour vous faire part de mon grand malheur, à vous le premier, comme à celui qui, après mon père, a le plus de titres sur cette terre à mon amitié et mon estime les plus sincères. Je vous embrasse donc de cœur et suis pour la vie

Votre tout dévoué ami.

Alexandre

5 Avril 1864.

1864

Рук. 769/929

Ил. 1-а. Письмо Даргомыжского к его воспитателю Мажи от 5 апреля 1864 г. Автограф. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 241. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1 об.

го уезда Тульской губернии — 2 апреля 1864 г., СПб.). По наиболее вероятной версии, был внебрачным сыном артиллерийского подполковника Алексея Петровича Ладыженского; впоследствии был усыновлен полковником Николаем Ивановичем Боучаровым (1749–1794). Фамилию получил по названию имения приемного отца для поступления в московский Благородный пансион.

Благородный пансион С. Н. Даргомыжский окончил в 1806 г., показав большие успехи в гуманитарных науках и особенно отличаясь «в Русском слоге» [11]. С марта 1806 г. по январь 1811 г. включительно служил мелким чиновником в Московском почтамте. В 1806 г. познакомился с княжной Марией Борисовной Козловской (1888–1951), с которой обвенчался, вопреки желанию ее семьи, в конце 1810 г. Согласно воспоминаниям В. П. Энгельгардта, отец Даргомыжского рассказывал, «что он женился не как все люди, а похитил свою невесту, потому что князь Козловский [12] не хотел выдавать дочь за маленького почтового чиновника. А именно почтовое ведомство и дало ему возможность на почтовых лошадях, без подорожной, ускакать от преследования» [13]. Из-за сложных отношений с родственниками жены, сразу после свадьбы молодожены отправились в Тульскую губернию, к брату С. Н. Даргомыжского по отцу В. А. Ладыженскому, в его имение в Белёвском уезде. Там у супругов родились сыновья Эраст (1811) и Александр (1813). После смерти княгини Козловской, матери М. Б. Даргомыжской, в 1811 г. молодожены получили в наследство земли в Смоленской губернии. Позже отношения между Даргомыжскими и Козловскими значительно улучшились, поскольку С. Н. Даргомыжский помог родным жены поправить их дела, сильно пошатнувшиеся в результате Отечественной войны 1812 г. На Смоленщине С. Н. Даргомыжский познакомился со своим соседом — графом А. И. Рибопьером, который привлек его к работе в своей Ревизионной комиссии, учрежденной в Смоленске в 1816 г. для расследования злоупотреблений при использовании правительственного пособия Смоленской губернии, сильно пострадавшей во время войны. 1816 и 1817 гг. семья Даргомыжских провела в Смоленске. За работу в этой комиссии, вскрывшей ряд злоупотреблений, С. Н. Даргомыжский получил

---

[11] ИРЛИ. Архив Даргомыжских — Степановых, 4423, XXII б. 177; цит. по: *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 1: 1813–1845. М., 1966. С. 32.

[12] Неточность: на момент венчания С. Н. Даргомыжского и М. Б. Козловской ее отца уже не было в живых.

[13] ИРЛИ. Архив Стасовых. Письмо В. П. Энгельгардта к В. В. Стасову от 22 марта 1906 г.; цит. по: *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 1: 1813–1845. М.: Музыка, 1966. С. 37

чин коллежского секретаря (дек. 1816), а 28 марта 1817 г. был пожалован орденом св. Анны III степени.

В конце 1817 г. по инициативе Рибопьера, назначенного управляющим Государственного коммерческого банка, С. Н. Даргомыжский получил место правителя канцелярии этого банка и перебрался с семьей в Петербург, где с 1 января 1818 г. начал работу в новой должности. Спустя восемь лет, в 1826 г. С. Н. Даргомыжский был уволен без объяснения причин по приказу нового министра финансов Е. Ф. Канкрина. Сергей Николаевич предпринял попытку защитить свое доброе имя, которая завершилась в мае 1827 г. назначением его на пост чиновника особых поручений при министре Императорского двора по департаменту уделов. На новом месте он разработал важные юридические документы — Положение об управлении петербургскими театрами от 13 ноября 1827 г., вошедшее в историю отечественного театра, и Начертание внутреннего производства дел по управлению Императорскими С.-Петербургскими театрами. С. Н. Даргомыжский также принимал участие в разработке театрального устава 1827 г. За составление этих документов по распоряжению министра Двора П. М. Волконского он был награжден орденом и премией в размере 2000 р., а также пожалован в статские советники. В феврале 1840 г. С. Н. Даргомыжский был уволен со службы по личной просьбе с пожалованием чина действительного статского советника. После этого он занимался, по-видимому, юридическим консультированием, а также различными финансовыми предприятиями — в частности, приобрел акции Российско-американской компании.

В целом по своему характеру С. Н. Даргомыжский чуждался пустой сентиментальности, был наблюдателен, имел склонность к шутке. Некоторые из этих качеств унаследовал и его сын Александр.

Скончался — примечательно, что в письме к В. Г. Кастриото-Скандербеку от 24 февраля 1852 г. Даргомыжский упоминает о смерти своей матери также по-французски, хотя в данном случае мог бы сделать это по-русски. Вероятно, чужой язык, способствовавший отстранению от тяжелых в эмоциональном плане переживаний, помогал их преодолеть.

Письмо 2

ДАТА: [Май — июнь? 1864 г.]

ГОРОД: [СПб.].

ТИП ИСТОЧНИКА: автограф.

ЯЗЫК: французский.

СИГНАТУРА: ОР РНБ. Ф. 241. А. С. Даргомыжский. Оп. 1. Ед. хр. 23. Лл. 3–3 об., 4–4 об.

ОПИСАНИЕ И ПОМЕТЫ: бумага писчая с водяными знаками «бабочка» (формат ок. 13.5×20,7 см), чернила. В левом верхнем углу л. 3 неизвестной рукой сине-сиреневым карандашом указан номер письма (2), а рядом простым карандашом другой рукой приведена его предположительная датировка: Апр[.] Май [18] 64. Внизу по центру л. 3 и л. 4 простым карандашом указаны номера листов (3, 4 соответственно). В правом нижнем углу л. 4 об. другими чернилами проставлен старый инвентарный номер: Рук. 169/2/929.

[л. 3]

Ne recevant pas de mes nouvelles, mon cher Monsieur Magis, vous avez pensé que je suis malade. Je l'ai été effectivement, mais ce sont des maladies morales qui m'ont obsédé tout ce dernier temps. Aussi tous ceux qui ne m'ont pas vu depuis quelques semaines, me trouvent bien changé. Ma vie était trop paisible pendant tant d'années pour que ce calme ne soit, tout d'un coup, contrebalancé par des évènemen[t]s imprévus. Ces quatre dernières semain[e]s j'étais tout absorbé par les affaires de famille et d'autres encore, que la mort de mon père a laissé sur mes bras, lorsqu'un nouvel évènement est venu me surprendre assez peiniblement[14] d'abord, mais [л. 3 об.] dans la suite des temps doit favorablement influer sur la tranquil[l]ité et surtout l'indépendance de ma vie future. C'est une affaire de cœur. Une élève à moi, une jeune allemande, qui pendant huit années consécutives avait été la compagne fidèle et devouée[15] de ma vie, et que j'étais parvenu à placer très haut non seulement dans le monde, mais même dans ma famille, dont elle est aimée comme une vraie parente, vient de se marier avec une bonne connaissance à moi, qui en est devenu amoureux. C'est un jeune homme de 38 ans, d'une des meilleures familles russes, et qui

[14] péniblement.
[15] dévouée.

a environs [16] une dixaine [17] de mille roub. de revenu par an. Je ne vous dirai pas que ce soit [л. 4] sans un peinible [18] effort de ma part, que cette affaire se soit arrangée, mais je n'ai pas voulu m'opposer au bonheur d'une jeune femme qui m'avait consacré les plus belles années de sa vie, d'autant plus que, si mes projets de voyage se réalisent, il me serait bien difficile de lui assurer une vie tranquil[l]e et sans privations, telle enfin comme elle le merite [19] par ses bonnes qualités. Enfin le mariage s'est fait avant hier dans les conditions les plus amicales entre nous tous. Aujourd'hui je commence à me persuader que cet évènement est du meilleur augure pour mon sort à l'avenir.

Quant à mes projets futurs il ne me reste qu'un seul désir: c'est de faire une tentative de bonheur [л. 4 об.] à l'étranger, en qualité d'artiste. Mais [20] il me faut avant tout calculer si la fortune médiocre qui me revient en partage aujourd'hui, et qui me suffit parfaitement pour vivre en paix et même agréablement dans tel coin de l'Europe que ce soit peut me suffire pour toutes les dépenses absolument nécessaires aujourd'hui pour se faire connaitre [21] comme artiste et parvenir à faire éxécuter [22] ses compositions. De notre temps on spécule sur toute chose, même sur celles qui vous reviennent de droit[.] Je pense donc partir à la fin de cet été: mais comme je ne sais moi[-]même si c'est pour long temps [23] ou non, je voudrais bien venir vous embrasser à Moscou avant de me lancer dans le tourbillon européen. Dureste [24] tout est dans la suprême volonté de Dieu, au soin de qui j'aime à me confier aveuglément.

Je vous embrasse de cœur, mon cher Monsieur Magis, et vous remercie encore 1 000 fois pour la paix [25] vraiment paternelle que vous prenez en ce qui concerne votre

devoué [26] ami Alexand[re.]

[л. 3]

Не имея от меня известий, мой дорогой господин Мажи, вы подумали, что я болен. Я в самом деле был болен, но болезни, что мучили меня всё последнее время,— [болезни] нравственные. Поэтому те, кто не видел

---

[16] environ.
[17] dizaine.
[18] pénible.
[19] mérite.
[20] Описка в автографе: там это слово начинается не с прописной, а со строчной буквы m.
[21] connaître.
[22] exécuter.
[23] longtemps.
[24] Du reste.
[25] Ошибка; должно быть peine.
[26] dévoué.

меня в течение нескольких недель, находят меня сильно изменившимся. Жизнь моя столько лет текла слишком покойно, но какой бы покойной она ни была, покой этот внезапно был сведен на нет нежданными событиями. Четыре последние недели я был совершенно поглощен семейными, а также иными делами, каковые смерть отца возложила на мои плечи, когда новое событие застало меня врасплох — и довольно болезненно поначалу; однако [л. 3 об.] по прошествии времени оно должно благоприятным образом сказаться на спокойствии и особенно независимости моей дальнейшей жизни. Сие дело есть дело сердечное. Моя ученица, молодая немка*, которая в продолжение восьми последних лет была верной и преданной спутницей жизни моей, [и] которая моими стараниями заняла достойное место не только в свете, но также и в семье моей, где ее любили совсем как родную, собралась замуж за одного моего короткого знакомого*, в нее влюбившегося. Это молодой человек 38-ми лет*, принадлежащий к одной из лучших русских семей и имеющий примерно десять тысяч рублей годового дохода. Не могу сказать вам, что [л. 4] улаживание сего дела не потребовало с моей стороны болезненных усилий, но я не хотел препятствовать счастью молодой женщины, посвятившей мне лучшие годы своей жизни, тем более что ежели мои планы путешествия [в Европу] осуществятся, мне будет весьма трудно обеспечить ей покойную жизнь без лишений — таковую, какой она заслуживает своими добрыми качествами. В конце концов свадьба состоялась позавчера на условиях самых дружественных промеж всеми нами. Ныне я начинаю склоняться к тому, что это событие — наилучшее предзнаменование моей грядущей участи.

Что же до моих будущих планов, мне остается единственное желание — попытать счастья [л. 4 об.] за границей в качестве композитора*. Но прежде мне необходимо подсчитать, хватит ли вполне небольшого состояния — имеющейся у меня на сей день доли [наследства], чтобы жить в равной степени покойно и приятно в том уголку Европы, каковой мог бы подойти мне для всех ныне совершенно необходимых расходов, дабы получить известность как композитору и дабы исполнить мои сочинения. В наше время спекулируют на всём — в том числе на вещах, каковые причитаются по праву. Итак, я думаю отбыть в конце этого лета, но поскольку сам не знаю, надолго или нет, мне хотелось бы заглянуть в Москву, чтобы обнять Вас перед тем, как броситься в европейский водоворот. В остальном всё в руках Господа, попечению которого я жажду слепо предаться.

Сердечно вас обнимаю, мой дорогой господин Мажи и благодарю вас снова 1 000 раз за поистине отеческое участие, принимаемое вами во всём, что касается вашего преданного друга Александра.

Примечания

Моя ученица, молодая немка — Любовь Фёдоровна Миллер (183?–1899), певица-любительница (сопрано). Познакомилась с Даргомыжским в 1856 г., когда он начал заниматься с ней вокалом. Вскоре между ними возникла глубокая привязанность, переросшая в серьезные отношения, продолжавшиеся восемь лет. Под руководством композитора Любонька, как он ее называл, сделала большие успехи и 25 февраля 1860 г. на концерте певицы С. Шоберлехнер впервые выступила публично, исполнив три романса, в том числе два романса Даргомыжского («Любила, люблю я, век буду любить!» и «Расстались гордо мы»). В рецензии на этот концерт В. Т. Соколов отмечал «прекрасную методу, свежий и приятный голос» дебютантки [27]. Впоследствии Л. Ф. Миллер иногда выступала в публичных концертах — как правило, в сопровождении Даргомыжского, аккомпанировавшего ей на фортепиано. Судя по этому письму, разрыв с композитором, на содержании которого Л. Ф. Миллер находилась, произошел в мае 1864 г.

За одного моего короткого знакомого — имеется в виду Василий Павлович Энгельгардт (1828–1915), астроном и любитель музыки. Происходил из богатого и знатного обрусевшего швейцарского рода. Был знаком с М. И. Глинкой, собирал его рукописи, которые передал Публичной библиотеке. Вместе с Глинкой запечатлен на некоторых карикатурах Н. А. Степанова [28]. После смерти Глинки в Берлине организовал перенос его праха на родину. Также входил в круг знакомых Даргомыжского. По просьбе своего соученика по Императорскому училищу правоведения В. В. Стасова оставил воспоминания об обоих композиторах.

В 1875 перебрался в Дрезден. В 1879–1897 гг. самостоятельно, без помощников, занимался астрономическими наблюдениями в организованной им на свои средства обсерватории. По завершении наблюдений передал оборудование обсерватории в Казанский университет, которым руководил его друг и коллега — астроном Д. И. Дубяго.

38-ми лет — неточность: в 1864 г. В. П. Энгельгардту было 36 лет.

---

[27] *Владимиров Т.* [Соколов В. Т.] Письмо в провинцию. III // Северный цветок. 1860. № 10. 5 марта. С. 157.

[28] См.: Михаил Иванович Глинка глазами современника: Альбом рисунков Н. А. Степанова из собрания Российской национальной библиотеки. СПб.: РНБ, 2005. С. 40–45, 106–109, 116–119, 122–123.

Мне остается единственное желание — попытать счастья за границей в качестве композитора — из этих строк следует, что одной из причин путешествия Даргомыжского за границу в 1864–1865 гг. была личная — разрыв композитора с Л. Ф. Миллер и ее замужество. Любопытно сравнить приведенный пассаж с письмом к сестре С. С. Степановой из Лейпцига от 14 ноября 1864 г., где целью зарубежной поездки объявляется отдых: «Ты пишешь, что многие интересуются моими музыкальными делами? Я ведь говорил, что еду, главнейше [sic! — *Т. Б.*] для отдыха, а музыку отвожу на второй план» [29].

Письмо 3

ДАТА: 26 Décembre 1864 (26 декабря 1864).

ГОРОД: Bruxelles (Брюссель).

ТИП ИСТОЧНИКА: автограф.

ЯЗЫК: французский.

СИГНАТУРА: ОР РНБ. Ф. 241. А. С. Даргомыжский. Оп. 1. Ед. хр. 23. Лл. 5–5 об., 6–6 об., 7–7 об.

ОПИСАНИЕ И ПОМЕТЫ: бумага верже (формат ок. 13,2 × ок. 20 см) аналогична той, что использовалась для писем из Брюсселя сестре композитора С. С. Степановой, чернила (более светлые, чем в остальных письмах к Мажи — разбавленные? [30]). В левом верхнем углу л. 5 сине-сиреневым карандашом неизвестной рукой указан номер письма (3), а в правом верхнем другой рукой простым карандашом — год написания письма: [18]64. Внизу по центру л. 5, л. 6, л. 7 простым карандашом приведены номера листов (5, 6, 7 соответственно). В нижнем правом углу л. 7 об. другими чернилами проставлен старый инвентарный номер: Рук. 169/3/929.

[л. 5]

Bruxelles, 26 Décembre 1864.

Me voilà bien loin de vous, mon cher Monsieur Magis! Tout de même, il m'est impossible de ne pas penser à vous et ne pas vous souhaiter la bonne

[29] Цит. по: А. С. Даргомыжский (1813–1869): Автобиография. Письма. Воспоминания современников. С. 80.

[30] Скорее всего, это связано с тем, что композитор писал из гостиницы, где за качеством чернил особо не следили.

nouvelle année qui approche. Que Dieu vous soit en aide et vous donne santé et prosperité [31], c'est le vœu sincère de votre vieux [32] élève Alexandre. Comme je sais que vous vous interressez [33], certainement, à ce qui m'arrive ici, je vous dirai que souvent, il est vrai, j'éprouve l'ennui de la solitude, mais en revanche, comme artiste, je suis gaté [34] ici, sans l'avoir mérité; autant que j'ai été chicanné [35] [л. 5 об.] et persécuté à Pétersbourg, sans l'avoir mérité aussi.

Je me suis arrêté pendant quelque temps à Leipzig, ville réputée musicale. On m'y connaissait tant soit peu de nom, et j'aurais pu facilement parvenir à y faire éxécuter [36] de mes compositions, si j'avais eu la patience de rester deux ou trois mois dans une ville essentiellement ennuyeuse, sous tous les rapports. Des proffesseurs [37] et des routiniers y travaillent comme des cyclopes — mais pas la moindre teinte de génie! — Arrivé ici, j'ai été tout ettonné [38] d'avoir dejà [39] dans le monde artistique une réputation toute faite et avec cela bien flatteuse pour moi. Dès la première semaine j'avais dejà [40] des invitations pour toutes [л. 6] les sociétés musicales et tous les concerts. Deplus [41] l'association Royale des artistes musiciens de Bruxelles m'a fait, elle même, la proposition d'éxécuter [42] un morceau de ma composition, dans son prochain concert. Vous concevez que je ne me suis pas fait prier, et j'ai, de suite, envoyé au chef d'orchestre plusieurs partitions, pour qu'il en fasse choix d'un morceau pour le concert. Il choisit l'ouverture de la Roussalka, et comme je lui témoignai le désir d'entendre plutôt un autre morceau, une Cosaque que je venais d'achever, il eut l'amabilité de me dire, que ces messieurs se feraient un plaisir de l'éxécuter à la répétition pour moi; mais que le programme du concert, ayant été fait dejà [43], avant mon arrivée à Bruxelles, on ne pouvait y ajouter qu'un seul morceau de moi. Alors [л. 6 об.] on eut l'obligeance de destiner une répétition toute entière à l'éxécution [44] de mes œuvres. C'était un des plus beaux orchestres que j'aie jamais entendu. 86 musiciens, dont beaucoup de professeurs du conservatoire. La répétition se passa de la manière la plus brillante pour moi. — Les deux morceaux ont été

[31] prospérité.
[32] vieil.
[33] intéressez.
[34] gâté.
[35] chicané.
[36] exécuter.
[37] professeurs.
[38] étonné.
[39] déjà.
[40] déjà.
[41] De plus.
[42] exécuter.
[43] déjà.
[44] exécution.

joués plusieurs fois chacun, et toujours honorés des plus vifs applaudissements des artistes. Mais ce qui me flatte bien plus encore, c'est que la Cosaque, qu'on avait joué à la répétition rien que pour me la faire entendre, intéressa, à ce qu'il parait[45], tellement messieurs les artistes, [л. 7] que l'association trouva bon de changer l'ordre du programme et d'éxécuter[46] dans son concert les deux morceaux, l'ouverture et la cosaque. Je vous envois[47] ci-joint un petit fragment de la gazette l'Etoile belge, qui rend, brièvement, compte de la répétition dont je vous parle. Le concert a lieu aujourd'hui soir, Samedi le 7 Janvier. Je vous avoue qu'après avoir eu les suffrages des artistes les plus distingués du pays, je m'inquiète fort peu de la réception qui me sera faite par le public.

Si vous voulez me consoler dans ma solitude, par quelques mots d'amitié et me donner quelques nouvelles de vous même[48], [л. 7 об.] écrivez moi[49] à Bruxelles, Hôtel de Suède № 70, où[50] bien envoyez votre lettre à ma sœur, qui me l'expediera[51]. Je vous embrasse bien cordialement et suis à jamais

Votre devoué[52] ami

Alexandre

[л. 5]

Брюссель, 26 декабря 1864 г.

Ну вот, я так далеко от вас, мой дорогой господин Мажи! И всё же не могу не думать о вас и не желать вам счастливого нового года, каковой приближается. Пусть Господь хранит вас и дарует вам здоровье и благополучие — вот искреннее желание вашего старого питомца Александра! Поскольку я знаю, что вам, конечно, интересны мои здешние дела, скажу вам, что, по правде говоря, меня частенько обуревает тут тоска одиночества, но зато как артист я незаслуженно избалован — столь же, сколь был критикуем [л. 5 об.] и гоним в Петербурге, тоже незаслуженно.

На какое-то время я остановился в Лейпциге — признанном музыкальном центре. Там немного знали мое имя, и я без труда сумел бы устроить в нем исполнение моих сочинений*, если б у меня достало терпения остаться на два или три месяца в этом со всех сторон крайне скучном городе. Музыкальные профессора и рутинёры работают там как циклопы — но без малейшего намека на гениальность! — Прибыв сюда [в Брюс-

[45] paraît.
[46] exécuter.
[47] envoie.
[48] vous-même.
[49] écrivez-moi.
[50] ou.
[51] expédiera.
[52] dévoué.

сель. — *Т. Б.*], я был весьма удивлен узнать, что уже имею в здешнем артистическом мире готовую известность, притом весьма для меня лестную. Уже в первую неделю у меня были приглашения во все [л. 6] музыкальные общества и концерты. Сверх того, Королевская ассоциация музыкантов Брюсселя по собственному почину предложила мне исполнить пьесу моего сочинения в своем ближайшем концерте. Как вы догадываетесь, я не заставил себя упрашивать и тотчас же послал капельмейстеру* [Королевской ассоциации] несколько партитур, дабы он мог выбрать пьесу для концерта. Он выбрал увертюру к «Русалке», и, поскольку я выразил ему желание услышать более другое свое сочинение, «Казачок», каковое только что завершил, он любезно сказал мне, что эти господа [оркестранты. — *Т. Б.*] будут иметь удовольствие исполнить его для меня на репетиции; что же до программы концерта, то она была составлена еще до моего прибытия в Брюссель, и в нее можно добавить лишь одно мое сочинение. Итак, [л. 6 об.] любезно порешили посвятить одну репетицию — всю целиком — исполнению моих сочинений. Это был один из лучших оркестров, каковые я когда-либо слышал — 86 музыкантов, являющихся в большинстве своем преподавателями консерватории. Репетиция прошла самым блистательным для меня образом. — Оба сочинения были играны несколько раз каждое и всегда отмечаемы самыми живыми аплодисментами оркестрантов. Но что еще много более мне лестно, так это то, что «Казачок», каковой был игран на репетиции единственно для того, чтобы его мог услышать я, кажется, заинтересовал тех, кому он был представлен, равно как и господ оркестрантов, [л. 7] так что ассоциация сочла за лучшее изменить программу и исполнить в концерте оба сочинения — увертюру и «Казачка». Посылаю вам вырезку из газеты «Этуаль бельж»[53]*, вкратце описывающую ту репетицию, о которой я веду речь. Концерт состоится сегодня вечером, в субботу 7 января. Признаюсь вам, что после того как я удостоился одобрений наиболее выдающихся музыкантов страны [на репетиции. — *Т. Б.*], прием, который окажет мне публика, заботит меня весьма мало.

Если вы хотите утешить меня в моем одиночестве несколькими дружескими словами и сообщить ваши новости, [л. 7 об.] пишите мне в Брюссель, в отель «Швеция», № 70, или лучше пошлите ваше письмо сестре моей, которая перешлет его мне. Обнимаю вас самым сердечным образом и остаюсь навсегда

Ваш преданный друг

Александр

---

[53] «Бельгийская звезда».

Примечания

Я без труда сумел бы устроить в нем исполнение моих сочинений — в Лейпциге, как и в Брюсселе, должны были исполняться увертюра к «Русалке» и симфоническая фантазия «Малороссийский казачок». Вот что Даргомыжский сообщает об этом своей сестре С. С. Степановой в письме от 1 декабря 1864 г. из Брюсселя: «...русские сочинения, посланные в Лейпциг, еще, по разным обстоятельствам, не исполнялись и обсуждаются знатоками. Из моих вещей они выбрали увертюру из „Русалки“ и „Казачка“» [54].

Капельмейстеру — Шарлю Луи Хансенсу [Hanssens] (1802–1871), голландскому виолончелисту и дирижеру, племяннику видного скрипача и дирижера Ш.-Л.-Ж. Хансенса. В своих письмах Даргомыжский, согласно традициям русской транскрипции XIX в., именует его Гансенсом. С 10-летнего возраста Хансенс-младший играл на виолончели в амстердамском Национальном театре, с 1822 г. он начал свою дирижерскую карьеру, а с 1848 г. — возглавил Королевский театр Ла Монне в Брюсселе. Даргомыжский высоко ценил не только Хансенса-дирижера, но и Хансенса-композитора.

Посылаю вам вырезку из газеты «Этуаль бельж» — в письме к Мажи упоминаемая вырезка отсутствует, но она сохранилась в письме от 27 декабря 1864 г. к С. С. Степановой. Перевод заметки приведён в: А. С. Даргомыжский (1813–1869): Автобиография. Письма. Воспоминания современников. С. 90–91.

Письмо 4

ДАТА: 3 Août 1865 (3 августа 1865 г.).

ГОРОД: St. Pétersbourg (С.-Петербург).

ТИП ИСТОЧНИКА: автограф.

ЯЗЫК: французский.

СИГНАТУРА: ОР РНБ. Ф. 241. А. С. Даргомыжский. Оп. 1. Ед. хр. 23. Лл. 8–8 об., 9–9 об. (чистый).

[54] Цит. по: А. С. Даргомыжский (1813–1869): Автобиография. Письма. Воспоминания современников. С. 80.

ОПИСАНИЕ И ПОМЕТЫ: бумага для писем с водяными знаками «школьная линейка» (формат ок. 13,5 × 21 см), чернила. В левом верхнем углу л. 8 сине-сиреневым карандашом неизвестной рукой указан номер письма (4). Внизу в центре л. 8 и л. 9 простым карандашом другой рукой приведены номера листов (8, 9 соответственно). В нижнем правом углу л. 9 об. (чистого) другими чернилами проставлен старый инвентарный номер: Рук. 169/4/929.

[л. 8]

St. Pétersbourg

3 Août 1865

Mon cher Monsieur Magis, voilà près de deux mois que je suis rentré dans mon pays et je ne vous ai pas encore ecrit[55] à cause d'un malaise continuel tant au physique qu'au moral. J'ai commencé à ressentir ici les rhumatismes qui semblaient m'avoir oublié pendant que j'étais à l'etranger[56]; et puis j'ai retrouvé mes affaires dans un pitteux[57] état. Les incendies d'un coté[58] et les réformes gouvernementales de l'autre ont eu une fatale influence sur les sociétés, dont je suis precisément[59] actionnaire, de manière que j'ai été occupé tout ce temps ci[60] à faire au revirement dans mes papiers de valeur et ce n'est pas sans [л. 8 об.] peine et sans perte. Voilà le seul coté[61] désavantageux de mon voyage, c'est que je n'étais pas au courant de ce qui se passait dans mon pays et que je n'ai pas pu prendre à temps les précautions nécessaires.

Malgré le beau temps, je passe mon été assez désagréablement. Je n'ai pas encore de logement convenable et commode. Je vègete[62] tantot[63] en ville, tantot[64] à la campagne chez ma sœur. Avec cela mille affaires m'ennuient et m'inquiètent. — Je voudrais bien avoir de vos nouvelles, et apprendre au moins que vous jouissez [л. 9] d'une tranquillité — à laquelle je ne puis encore parvenir. Pour comble de disgrâce, mes yeux commencent à me faire défaut et je me vois obligé à recourir à des lunettes foncées pour les conserver. Il est possible, mon cher Monsieur Magis[,] que je vienne cet hiver vous embrasser en personne, en cas qu'il me soit accordé de monter un petit ouvrage sur la scène de Moscou.

---

[55] écrit.
[56] l'étranger.
[57] piteux.
[58] d'un côté.
[59] précisément.
[60] temps-ci.
[61] côté.
[62] végète.
[63] tantôt.
[64] tantôt.

Jusqu'à present[65] il n'y a encore rien de décisif. — Adieu, que Dieu vous garde et vous conserve sur cette terre aussi bien et aussi longtemps que le désire votre devoué[66] ami.

Alexandre.

[л. 8]

С.-Петербург

3 августа 1865 г.

Мой дорогой господин Мажи, вот уже около двух месяцев, как я возвратился на родину, но еще не писал вам по причине постоянного недомогания как физического, так и душевного. Я снова начал ощущать здесь ревматические боли, о которых было позабыл, пока находился за границею; сверх того, я нашел свои дела в плачевном состоянии. Пожары с одной стороны и государственные реформы* — с другой имели роковое влияние на те [акционерные] общества, пайщиком коих я являюсь*, так что всё это время я был занят приведением в порядок своих ценных бумаг — не без [л. 8 об.] затруднений и не без потерь. Вот единственная невыгодная сторона моего путешествия — я не был осведомлен о том, что делалось на родине, и не мог предпринять вовремя необходимых мер предосторожности.

Несмотря на хорошую погоду, я провожу лето довольно скверно. У меня пока нет приличного и удобного жилья. Я влачу жалкое существование то в городе, то в деревне у моей сестры. При всём при том тысяча дел мне досаждают и беспокоят меня.

Мне очень хотелось бы получить известия от вас и узнать, что по крайней мере вы наслаждаетесь [л. 9] спокойствием, каковое я пока не обрел. В довершение напастей мои глаза начали мне отказывать, и, дабы сохранить их, я должен был прибегнуть к темным очкам. Возможно, мой дорогой господин Мажи, я приеду этой зимой, чтоб обнять вас лично, в случае если [мое] небольшое сочинение будет принято к постановке на московской сцене*. До сей поры это еще не решено.

Прощайте, пусть Бог хранит вас на сей земле столь хорошо и столь долго, как желает того ваш преданный друг.

Александр

---

[65] Jusqu'à présent.

[66] dévoué.

Примечания

Государственные реформы — подразумевается реформа 1861 г., вызвавшая в стране не только серьезные социальные пертурбации, но и значительные финансово-экономические проблемы.

Те [акционерные] общества, пайщиком коих я являюсь — очевидно, имеются в виду ценные бумаги, унаследованные А. С. Даргомыжском от отца.

В случае если [мое] небольшое сочинение будет принято к постановке на московской сцене — скорее всего речь идет об опере «Русалка». Постановка этой оперы в Москве на сцене Большого театра 26 октября 1865 г. в немалой степени поспособствовала увеличению ее популярности. Слова «небольшое сочинение» применительно к «Русалке», по-видимому, имеют иронический смысл.

Рукописные источники

ОР РНБ. Ф. 241. А. С. Даргомыжский. Оп. 1. Ед. хр. 23.

Литература

1. *Владимиров Т.* [Соколов В. Т.] Письмо в провинцию. III // Северный цветок. 1860. № 10. 5 марта. С. 157.
2. А. С. Даргомыжский (1813–1969): Автобиография. Письма. Воспоминания современников / Редакция и примечания Ник. Финдейзена. 2-е изд. (стереотипное). Петербург: Государственная академическая филармония, 1922. 182 с.
3. А. С. Даргомыжский Избранные письма. Вып. 1 / Вступ. статья, редакция текста и аннотированный указатель проф. М. С. Пекелиса. М.: Музгиз, 1952. 76 с.
4. Михаил Иванович Глинка глазами современника: Альбом рисунков Н. А. Степанова из собрания Российской национальной библиотеки. СПб.: РНБ, 2005. 161 с.
5. *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 1: 1813–1845. М.: Музыка, 1966. 495 с.
6. *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 2: 1845–1857. М.: Музыка, 1973. 416 с.
7. *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. Т. 3: 1858–1869. М.: Музыка, 1983. 317 с.